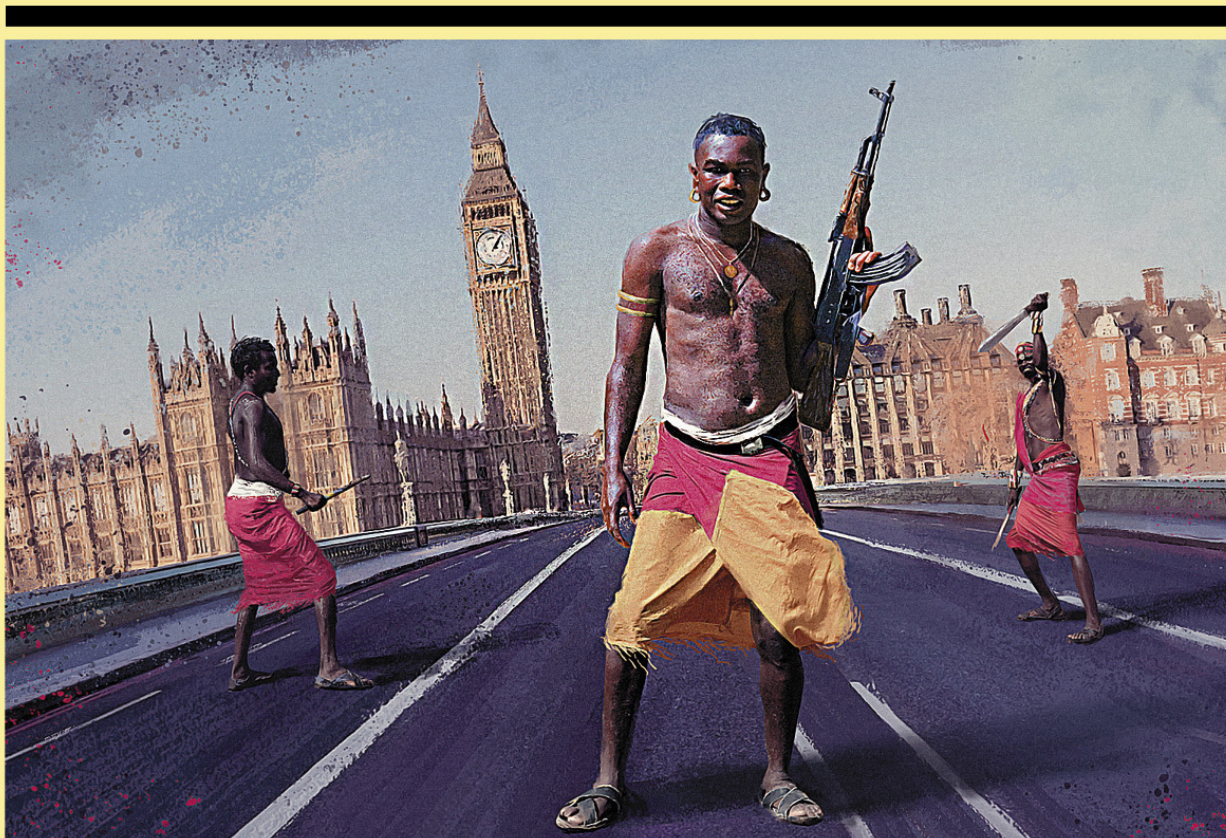

КРИСТОФЕР

ПРИСТ

*ФУГА ДЛЯ ТЕМНЕЮЩЕГО
ОСТРОВА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Кристофер Прист

Фуга для темнеющего острова

«Издательство АСТ»

1972

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Фуга для темнеющего острова / К. Прист — «Издательство АСТ»,
1972 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-112928-6

Всего за четыре дня Африка, раздираемая враждой племен и конфессий, вооруженная международными игроками, превратилась в радиоактивную пустошь. Десятки миллионов беженцев на катерах, кораблях и лодчонках хлынули в страны Европы в поисках спасения. В Англии, где пришедшее к власти праворадикальное правительство пытается справиться с экономическим кризисом, беженцы встречают прямо-таки ледяной прием. ООН, Красный Крест и прочие гуманитарные миссии бессильны. Чернокожие пришельцы начинают самовольно занимать дома обычных британцев, оружие свободно ходит по рукам, и вот уже ненависть цветет пышным цветом, и из глубин Средневековья выплывает кровавое «мы — они»... Антиутопия? Сценарий ближайшего будущего? Но ведь этот роман был написан Пристом в 1972 году...

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112928-6

© Прист К., 1972

© Издательство АСТ, 1972

Содержание

Предисловие	6
Фуга для темнеющего острова	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кристофер Прист

Фуга для темнеющего острова

Посвящается моим друзьям

Предисловие

Я написал «Фугу для темнеющего острова» в 1971 году, годом позже она была опубликована отдельной книгой. Хотя она во многом посвящена политике и актуальным проблемам своего времени, политическим романом я бы ее не назвал. В первую очередь это художественное произведение.

Тогда я был молодым, начинающим писателем и нащупывал собственный стиль. Британская фантастика славилась своей традицией так называемого «романа-катастрофы». Особенной популярностью такие романы пользовались в 50-е годы. Джон Уиндем, Джон Кристофер, Чарлз Эрик Мейн, Джей Ти Макинтош и другие сочинили немало изобретательных сценариев конца света и считаются одними из основоположников жанра. К началу 70-х в жанре наблюдалось некоторое затишье, и я задумался, возможно ли сказать в нем нечто новое, что имело бы отношение к современности.

Не случайно, что пик популярности романов-катастроф пришелся на 50-е. В памяти людей еще свежи были ужасы Второй мировой. Европа – в том числе и Великобритания – переживала трудные времена: экономика в упадке, города разрушены, еды и энергоресурсов не хватает. Добавьте сюда еще отголоски развала империи. Писатели и критики неоднократно отмечали, что период написания, скажем, «Дня триффидов» Уиндема и «Долгой зимы» Кристофера отличался удивительной беспросветностью, причем как прошлого, так и будущего.

К началу 70-х все коренным образом изменилось. Великобритания вновь стала процветающей страной, где поощрялось творчество, и каждому открывались широкие возможности. От уныния не осталось и следа. В подобном контексте мой замысел вернуться к жанру катастроф казался чем-то из ряда абстрактных писательских упражнений.

Похоже, так думал не я один. В 1968 году июльский выпуск журнала «Нью Уолдз» вышел с обложкой американского режиссера Стивена Двоскина: черный фон и несколько простых слов: «В чем именно состоит природа катастрофы?». Понятия не имею, что Двоскин хотел этим сказать, но меня вопрос очень зацепил. Я обратился к романам-катастрофам, пытаюсь понять, в чем же суть описываемых в них событий. Все подобные произведения посвящены тем или иным внешним факторам, которые приводят к упадку цивилизации, однако, на мой взгляд, главное в любой катастрофе – это то, как она отражается на самих людях.

Раскручивая эту мысль, я пришел к тому, что сосредотачивать внимание надо не на глобальном масштабе бедствий, а на переживаниях рядовой жертвы.

Впрочем, без глобального бедствия тоже не обойтись.

Для Великобритании 1971 год отличался относительной стабильностью, тем не менее общество переживало два весьма значительных потрясения.

Во-первых, это, конечно же, конфликт в Северной Ирландии между католиками и протестантами. Он освещался ежедневно по телевидению и в газетах, и не было британца, который бы про него не знал. С каждой неделей уровень насилия только рос, и казалось, что никакого выхода нет. Сами религиозные распри меня волновали мало; гораздо страшнее был тот разгул хаоса и беспорядка, которым они сопровождались. Многим пришлось покинуть свои дома, улицы перекрывали баррикадами, появлялись военизированные группировки, целые полицейские подразделения вместо того, чтобы поддерживать нейтралитет, становились на ту или иную сторону. В ход шли заминированные автомобили и огнестрельное оружие, случались избиения и массовые стычки. Список можно продолжать.

Я попытался представить, что было бы, если бы подобный конфликт охватил всю страну, и многие мои страхи нашли отражение в «Фуге для темнеющего острова». Однако мне по-прежнему не хватало вменяемого глобального повода, который мог бы повлечь за собой подобные последствия.

В 1971 году во главе Соединенного королевства стояло слабое консервативное правительство под руководством Эдварда Хита. Новым источником проблем становилась Африка. В поисках работы большое количество жителей Индостана хлынуло в страны на востоке континента. Гражданство этих мигрантов часто было спорным: по национальности они принадлежали к индийцам или пакистанцам, а вот паспорта имели британские. В начале 70-х в Кении и Уганде к власти пришли диктаторы, и многие мигранты были вынуждены переехать в Великобританию. Их счет шел на десятки тысяч, в связи с чем агитаторы из ультраправых стали активно раздувать расистские настроения в обществе. В частности, Энох Пауэлл, один из виднейших консерваторов, выступил с несколькими речами, разжигающими межнациональную рознь, предрекая, что страна утонет в «реках крови». К счастью, этот неприятный эпизод в истории Великобритании скоро прошел. Беженцы довольно быстро и безболезненно ассимилировались в нашем обществе.

Представив, что будет, если подобный кризис произойдет в масштабах всей Африки, я понял: именно такой глобальной катастрофе под силу породить хаос и насилие, которые я хотел описать в романе.

Данная версия «Фуги» заново вычитана и отредактирована. Я много лет искал возможности переработать этот текст. Тому был ряд причин.

Главная состоит в том, что со временем менялось мое отношение к теме, менялись настроения в обществе, даже язык поменялся. Если раньше я мог себе позволить говорить о глобальной катастрофе с иронией, порой вольно, сейчас велика вероятность, что мои слова будут неверно истолкованы.

Особенно ярко это выразилось в двух обзорах, напечатанных в журнале «Тайм Аут» (он характерен тем, что всегда идет в русле господствующего политического течения) с промежутком всего в несколько лет. В первом обзоре, сразу после выхода книги, «Фугу» хвалили, даже превозносили за яркую антирасистскую позицию и убедительное изображение того, в какой хаос ввергают страну радикалы. Позднее, когда роман перепечатывали, вышел новый обзор (критик другой, но общественные взгляды остались в целом те же). В нем меня разнесли за пропаганду расизма и поддакивание ультраправым.

Поскольку, повторюсь, роман не задумывался как политическое высказывание, я считаю, что оба критика неправы, однако меньше всего мне понравилось быть причисленным к расистам. Примерно тогда я и решил когда-нибудь переработать текст. И вот, наконец, это случилось. Я постарался убрать из повествования все, что можно трактовать в пользу той или иной позиции, хотя, должен признаться, чрезмерную политкорректность не поддерживаю.

Была и другая причина. «Фуга для темнеющего острова» – моя первая попытка написать серьезное произведение на серьезную тему. Задачу я поставил сложную, масштабную, и работал над ней непросто. Кроме того, в то время у меня еще не было наработанного стиля, и я легко поддавался влиянию извне. Тогда в моду вошло сухое, отстраненное повествование. Увлеченный этим феноменом, я зачитывался не только фантастами «новой волны», но и американскими писателями, в частности, Ричардом Бротиганом, Куртом Воннегутом и Ежи Косинским. Мне нравился их стиль изложения, позволявший изображать напряженные или ужасные события без эмоциональных оценок. На мой взгляд, это только подчеркивало напряженность и ужас происходящего.

Однако теперь, сорок лет спустя, я не думаю, что такая степень отстраненности пошла роману на пользу. Определенная бесстрастность повествования сохранена, при этом новое издание все-таки получилось эмоциональнее, недостатки персонажей выписаны четче, боль и злость выражены более явно.

Сюжет не претерпел никаких изменений, я лишь постарался найти более убедительные средства для его передачи. В тексте нет никакого «осовременивания». Все описанные в романе

ужасы происходили еще до того, как мир узнал, что такое глобальный терроризм. В реалиях дня сегодняшнего они оценивались бы иначе, поэтому считайте, что перед вами слепок прошлого. В этом прошлом также не было электронной почты, DVD, Интернета, камер видеонаблюдения, мобильных телефонов, продуктов с ГМО, лазерной хирургии, спутникового телевидения; Великобритания не была членом Евросоюза, у Европы не было единой валюты... и так далее, и тому подобное. Любое из этих «новшеств» повлияло бы на сюжет и повествование самым непредсказуемым образом.

Кристофер Прист

Фуга для темнеющего острова

У меня светлая кожа, русые волосы, голубые глаза. Я высокого роста, одежду предпочитаю сдержанную: блейзер, вельветовые брюки, шелковый галстук. Ношу очки для чтения, но скорее по привычке, чем по необходимости. Время от времени курю, иногда выпиваю. В бога не верю, в церковь не хожу, хотя другим не запрещаю. Женился по любви. Обожаю свою дочь, Салли. К политике равнодушен. Меня зовут Алан Уитмен.

* * *

Кожа у меня смуглая от грязи, волосы сухие, в соляном налете, голова чешется. Глаза голубые. Я высокого роста, одежду не менял уже полгода, давно не мылся. Очков у меня не осталось, привык обходиться без них. Курю много, но только когда попадают сигареты; раз в месяц напиваюсь. В бога не верю, в церковь не хожу. Мой последний разговор с женой закончился ссорой, о чем теперь жалею. Обожаю свою дочь, Салли. К политике по-прежнему равнодушен. Меня зовут Алан Уитмен.

* * *

Впервые я увидел Рафика в деревушке, разрушенной в ходе артобстрела. Он мне сразу не понравился, как, впрочем, и я ему. Когда первая настороженность прошла, мы перестали обращать друг на друга внимание. Я искал еду, надеясь, что раз обстрел произошел совсем недавно, то деревню еще не полностью разграбили. В уцелевшие дома я не заходил, зная по опыту, что солдаты обносят их в первую очередь; гораздо выгоднее копаться среди обломков.

Планомерно обшаривая развалины, к полудню я набил консервами два рюкзака, а из брошенных автомобилей забрал три дорожных атласа – на обмен. За все это время с Рафиком мы больше не пересекались.

На границе деревушки я нашел поле, которое когда-то обрабатывали. В углу темнели свежие могилы; каждая отмечена доской с прибитым к ней солдатским жетоном. Судя по именам, здесь были похоронены африканцы.

Этот участок показался мне наиболее уединенным, поэтому я уселся между могил и вскрыл банку мясного рагу – отвратительного, с большими шматами жира. Я с жадностью его съел.

Перекусив, я направился к вертолету, который сбили неподалеку. Еды в нем, скорее всего, не найти, зато приборы могут сгодиться для обмена – если уцелели, конечно. Мне очень был нужен компас, хотя навряд ли его удалось бы легко извлечь, да и без внешнего питания он бы все равно работать не стал.

Когда я подошел, в кабине пилота уже возился тот мужчина, которого я видел утром, – длинным ножом пытался выковырять что-то из приборной панели. Заметив меня, он медленно выпрямился и потянулся к карману. Несколько минут мы недоверчиво изучали друг друга. Стало ясно, что мы с ним в одной лодке и мыслим примерно одинаково.

Так я попал в группу к Рафику.

* * *

Когда на выезде с нашей улицы в Саутгейте соорудили баррикаду, стало ясно, что из дома нам, скорее всего, придется уехать. Перспектива, конечно, пугала, но мы продолжали бездействовать, надеясь приспособиться к новым обстоятельствам.

Понятия не имею, кто построил эту баррикаду. Мы жили почти в самом тупике, рядом со спортивными полями, поэтому никакого шума ночью не слышали, однако утром Изабель не смогла выехать в город, чтобы отвезти Салли в школу. Она тут же вернулась домой и рассказала мне.

Впервые те необратимые перемены, которые происходили в стране, коснулись нас напрямую. Прежде баррикады в нашем районе практически не встречались.

Выслушав Изабель, я решил сходить посмотреть сам. Конструкция выглядела довольно хлипкой: деревянные балки, обмотанные колючей проволокой, – но ее предназначение не вызывало сомнений. Вокруг толклись несколько мужчин, среди них я узнал кое-кого из соседей.

На следующий день мы сидели дома, когда снаружи послышались крики и шум: выселяли семейство Мартинов, жившее напротив. Мы с ними и так почти не общались, а после нашествия африммов они стали совсем нелюдимыми. Винсент Мартин, высококлассный технический специалист, работал на авиационном заводе в Хатфилде. Его супруга сидела дома, воспитывала троих детей. Родом Мартини были с Карибских островов.

Выселением занималась уличная дружина, но на тот момент я в ней еще не состоял. Впрочем, в течение недели всех мужчин записали в дружинники, а их родственникам выдали пропуска, которые надлежало постоянно носить с собой. Эти пропуска быстро становились самым ценным имуществом. Притворяться, что происходящее нас не касается, больше не получалось.

Машинам разрешалось проезжать только в определенное время, и те, кто нес вахту на баррикаде, следили за графиком неукоснительно. Наша улица выходила на шоссе, парковаться на котором после шести вечера официально запрещалось. То есть, если вы не успели вернуться домой до закрытия баррикады, нужно было искать место для стоянки. По мере того как жители соседних улиц перенимали наш опыт и тоже перекрывали въезд на свою территорию, оставлять машину приходилось все дальше от дома, а идти пешком в темное время было небезопасно.

Обычно улицу патрулировали по двое, иногда по четверо, а вечером накануне нашего отъезда дружину нарастили до четырнадцати человек. Я ходил в патрули трижды с разными напарниками. Порядок простой: один берет ружье и становится на баррикаду, а второй четыре раза обходит улицу туда и обратно; потом меняются. И так всю ночь.

Когда наступала моя очередь стоять за баррикадой, больше всего меня беспокоило, что делать, если подъедут полицейские. Их автомобили мелькали на шоссе часто, правда, никогда не останавливались. Этот вопрос регулярно поднимался на совете дружинников, но ответа, который бы удовлетворил лично меня, никто не предложил. Предполагалось, что поводов для столкновений с полицией нет, хотя до всех нас доходили слухи о стычках между жителями забаррикадированных улиц и бойцами спецподразделений. По телевидению об этом не рассказывали, в газетах не писали, и отсутствие таких новостей само по себе говорило о многом.

Заряженное ружье служило для того, чтобы, во-первых, отгонять чужаков, которые хотели поселиться в опустевших домах, а во-вторых, продемонстрировать властям свой протест. Если правоохранительные органы и военные не могут или не желают защищать нас, тогда мы сами в состоянии за себя постоять. К этому, если вкратце, сводилась суть правил, написанных на обороте пропусков, и такого же принципа негласно придерживались дружинники. Мы в прямом смысле взяли закон и порядок в свои руки.

Лично мне от всего этого было не по себе. Выгоревший остов дома Мартинов постоянно напоминал о том, что дружинники не чужаются насилия, а бесконечные процессии бездомных, тянувшиеся мимо баррикад, производили гнетущее впечатление.

Ночью, когда снесли баррикаду на соседней улице, я спал дома. Накануне, в связи с обострившейся обстановкой, патрули было решено увеличить, но так как я только-только закончил вахту, меня это не коснулось.

О сражении на соседней улице мы узнали, когда неподалеку от нас раздались выстрелы. Изобель с дочкой побежали прятаться под лестницей, а я оделся и поспешил к своим на баррикаду. Дружинники мрачно смотрели на армейские грузовики и полицейские фургоны, перегородившие шоссе. Там стояли порядка тридцати солдат с оружием. Выглядели они встревоженными то ли нашей возможной реакцией, то ли, что вероятнее, приказами, которые им предстояло выполнить.

Мимо прогрохотали три водометных автомобиля. Протиснувшись сквозь военный кордон, они направились к соседней улице. Оттуда то и дело доносились выстрелы и яростные крики. Прогрело несколько гулких взрывов, и дома, примыкающие к нашим дворам, осветились красным заревом. Подтянулись еще грузовики и фургоны с подмогой. Мы просто стояли и смотрели, отлично понимая, что любые активные действия будут расценены как провокация. К тому же с одним ружьем на всех особо не повоюешь. Оно было заряжено, но припрятано. Лично я ни за что не согласился бы взять его в руки.

Всю ночь мы простояли у баррикады, прислушиваясь к шуму сражения неподалеку. С рассветом стычка понемногу сошла на нет. Мимо нас пронесли тела нескольких убитых солдат и полицейских; многочисленных раненых увозили на «Скорых».

Когда наступило утро, полиция под конвоем провела почти пару сотен белых людей к группе автобусов, стоявших у входа в метро дальше по шоссе. Некоторые шли прямо в пижамах. Поравнявшись с нашей баррикадой, люди стали кричать, требуя или умоляя впустить их, но солдаты быстро пресекли эти попытки. Я поглядел на соседей. Неужели и на моем лице застыло такое же выражение сурового безразличия?...

Мы все ждали, когда переполох утихнет, однако стрельба не утихала еще несколько часов. Машины на шоссе не появлялись – видимо, их направляли в объезд. У одного из наших с собой был радиоприемник, и мы напряженно вслушивались в новостные сводки «Би-би-си», рассчитывая узнать что-нибудь обнадеживающее.

К десяти часам обстановка, наконец, стала более или менее спокойной. Почти все полицейские разъехались, хотя военные остались. Да каждые несколько минут раздавались выстрелы – где-то в отдалении. Некоторые дома на соседней улице продолжали гореть, но угрозы распространения пожара не было.

При первой же возможности я ускользнул с баррикады и пошел домой.

Жена с дочкой так и сидели под лестницей. Изобель была сама не своя от страха: лицо бледное, без кровинки, зрачки расширены, речь невнятная. Салли чувствовала себя немногим лучше. Они путано и сбивчиво рассказывали, что им пришлось пережить, хоть и опосредованно: взрывы, крики, стрельба, треск и запах горящего дерева. Приготовив им чаю и разогрев еды, я пошел посмотреть, какой ущерб был нанесен дому.

К нам в сад залетел коктейль Молотова и спалил сарай. Все окна с этой стороны были разбиты или растрескались, в стенах обнаружились дыры от выстрелов. Пока я изучал их, в оконный проем влетела еще одна пуля и чуть не попала в меня.

Я опустил на четвереньки и подполз к окну.

Наш двор и сад примыкал к домам на соседней улице. Приподняв голову над подоконником, я увидел, что сгорели меньше половины из них. Внутри некоторых мелькали силуэты – какие-то люди обшаривали комнаты. В саду, пригнувшись за забором, стоял невысокий муж-

чина в замызанной одежде. Это он стрелял в меня. Пока я наблюдал за ним, он выстрелил снова – на этот раз в дом по соседству.

Когда Изабель и Салли оделись, мы взяли чемоданы, уже неделю как собранные, и я погрузил их в машину. Пока жена методично запирала все двери и шкафы в доме, я захватил документы и деньги.

Вскоре мы уже были у баррикады. Там нас остановили.

– Куда это вы собрались, а, Уитмен? – спросил один из дружинников – Джонсон, с которым я ходил в патруль три дня назад.

– Мы уезжаем, – ответил я. – Поедем к родителям Изабель.

Джонсон сунул руку в окно и, не успев ее перехватить, выключил зажигание, а потом забрал ключ.

– Мы никого не выпустим, – сказал он. – Если все сбегут, они же полезут сюда, как тараканы.

Подожли еще несколько мужчин. Изабель сжалась. Салли сидела сзади, и я старался не думать о том, каково сейчас ей.

– Здесь оставаться больше нельзя. Наш дом выходит окнами на ту улицу. Времени нет: не сегодня-завтра они пойдут сюда через сады.

Соседи стали переглядываться.

– Нам нужно держаться вместе. Иначе никак, – упрямо твердил Джонсон, чей дом находился на противоположной стороне.

Изабель наклонилась к моему окну и умоляюще посмотрела на Джонсона.

– Прошу вас, – сказала она, – подумайте о женщинах и детях. Неужели ваша жена хочет тут оставаться?

– Времени нет, – повторил я. – Вы же знаете: стоит африммам занять какую-нибудь улицу, через несколько дней они захватывают весь район.

– За нас закон, – подал голос кто-то из соседей, указывая на солдат по ту сторону баррикады.

– Закон тут ни за кого. А баррикаду можете разбирать – толку от нее больше нет.

Джонсон отошел от машины и обратился к одному из собравшихся. Это был Николсон, из числа руководителей нашей дружины. Они перекинулись парой фраз, и Николсон сам подошел ко мне.

– Никуда вы не поедете, – сказал он непререкаемым тоном. – Никого не выпустим. Так что, Уитмен, отвози своих домой и становись дежурить на баррикаду. Другого выхода у нас нет.

Он бросил ключ, тот упал на колени к Изабель. Она передала его мне. Я взялся за ручку и поднял стекло до упора.

– Ну что, рискнем? – спросил я, заводя машину.

Она посмотрела на окружавших нас мужчин, на баррикаду, обмотанную колючей проволокой, на вооруженных солдат, стоявших на шоссе, и ничего не ответила.

Салли заплакала.

– Папа, я хочу домой!

Я развернулся и медленно поехал к дому. Где-то по пути мы слышали женский крик. Я взглянул на Изабель. Она зажмурилась.

У дома мы остановились. Он казался таким родным, таким уютным, но из машины никто не вышел. Я не стал глушить двигатель – это было бы все равно что признать поражение.

Мы молча посидели какое-то время, а потом я повел машину дальше по улице, к спортивному полю. Выезд на шоссе перегораживала баррикада, а здесь просто натянули два мотка проволоки, даже вахтенных не выставляли. Сейчас тут тоже никого не было. Как и в других местах, ограждение вокруг спортивной площадки казалось чем-то обыденным и диким одновременно. Я остановился, вышел из машины и снял проволоку. Дальше стоял деревянный забор, который

подпирали несколько кольев. Я включил первую передачу и дал газу. Забор затрещал и, наконец, завалился. Впереди открывалось пустынное спортивное поле.

Проваливаясь в канавы и подпрыгивая на кочках, мы поехали напрямик через него.

* * *

Я выполз на берег, с трудом переводя дух. Плавание в ледяной реке совершенно меня вымотало. Все мышцы ныли и дрожали от озноба. Я замер, силой воли заставляя организм согреться.

Прошло пять минут. На противоположном берегу ждали Изабель и Салли. Я прошел вверх по течению, пока не оказался точно напротив них. В руках я держал конец веревки, которую протащил с собой. Изабель сидела на земле и смотрела куда-то в сторону, вдоль реки. Салли стояла рядом и внимательно наблюдала за мной.

Я прокричал им, что надо делать. Салли наклонилась к Изабель, та затрясла головой. Я нетерпеливо ждал; мышцы начинало сводить от холода. Наконец, после очередного моего окрика, Изабель встала. Они с дочерью обвязали свою часть веревки вокруг пояса, перетянули на груди, как я их научил, и настороженно подошли к воде.

От нетерпения я, пожалуй, потянул слишком сильно. Не удержавшись на ногах, они обе шлепнулись в воду и стали барахтаться на мелководье. Изабель плавать не умела и панически боялась захлебнуться. Салли всеми силами пыталась удержать мать, чтобы та не поползла обратно к берегу.

Не давая им опомниться, я налег на веревку и вытащил их на середину реки. Когда Изабель выныривала из воды, то начинала вопить от страха и злости.

Не прошло и минуты, как я перетянул жену с дочкой на свою сторону. Салли легла в грязь и молча глядела на меня. Я ждал, что она начнет жаловаться или ругаться, но она молчала. Изабель, свернувшись калачиком, кашляла и отхаркивала воду. Придя в себя, она первым делом разразилась потоком брани. Я не стал слушать.

Вода в реке была холодной, но с холмов дул теплый ветерок. Мы перебрали свой скарб. Хотя во время переправы ничего не потерялось, все вещи промокли. По моей задумке, Изабель должна была держать наш основной рюкзак над собой, а Салли – не давать ей уйти под воду. Не вышло. Сменная одежда и еда отсырели, спички безнадежно испортились. Решив, что лучше всего нам раздеться, мы сняли верхнюю одежду и развесили ее на ближайших деревьях и кустах в надежде, что к утру она хотя бы немного просохнет.

Ночевали прямо на земле, дрожа и прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Через полчаса Изабель уснула, а Салли все никак не могла сомкнуть глаз. Я тоже не спал, и так мы с ней пролежали почти до рассвета.

* * *

Я собирался провести ночь с женщиной по имени Луиза. Она забронировала нам номер в гостинице на Гудж-стрит, а я сказал Изабель, что пойду на полуночный митинг в колледже. Дома я мог не появляться до самого утра.

Мы с Луизой отужинали в греческом ресторанчике на Шарлотт-стрит, а оттуда, чтобы не сидеть весь вечер в номере, пошли в кинотеатр на Тоттенхэм-Корт-роуд. Название фильма не помню; помню только, что он был зарубежный и шел с английскими субтитрами. По сюжету чернокожий мужчина влюбляется в белую женщину, но их роман заканчивается плохо. Еще там было несколько откровенных сцен. Официально фильм, конечно, не запретили, однако показывали его мало где. В других заведениях, где крутили порнофильмы, регулярно прово-

дились полицейские облавы. Этот фильм, однако, шел уже больше года, и власти вроде бы не препятствовали.

Тем не менее, нам не повезло: оказались не в том месте и не в то время. Мы сидели на последнем ряду, поэтому хорошо видели, как полиция проникает в зал через запасные выходы. Стратегия была продумана и отработана до мелочей: застигнутые врасплох зрители не имели возможности покинуть кинотеатр, пока их не допросят и не установят личность. У каждой двери стояло по вооруженному полицейскому, еще с десятков сотрудников держали оцепление.

Прошла минута, другая... ничего не происходило. Фильм продолжал идти. Затем зажегся свет, но даже после этого проектор не выключили; персонажи на экране едва различимо совокуплялись, от чего сцена казалась еще более пикантной. Вдруг все оборвалось, защелкали и зашумели громкоговорители.

Двадцать минут мы просидели, не зная, что будет дальше. Один из полицейских стоял неподалеку, и я спросил у него, что происходит. Он не ответил.

Наконец, зрителям, ряд за рядом, приказали подниматься и двигаться к выходу, где у каждого требовали назвать полное имя и адрес. По счастью, никаких документов у меня при себе не было, так что я рискнул сообщить вымышленные данные. Карманы мне все равно обшарили, пригрозили арестом за нарушение недавно введенного закона об удостоверении личности, но Лиз поручилась за меня, и нас отпустили.

Мы направились напрямиком в гостиницу и сразу же перешли к постели. Однако я никак не мог оправиться от произошедшего. Во мне мешались злость и страх. Как Луиза ни старалась, ей так и не удалось меня возбудить. Я несколько дней провел в предвкушении этой ночи, – и ничего не вышло. Желание погасло, совсем как те кадры на экране.

Партия «Британских реформистов» во главе с Джоном Трегартом, отщепенцем из консерваторов, пребывала у власти уже четвертый месяц.

Позднее Луизу арестовали по обвинению в даче заведомо ложных показаний. Однако разыскать меня полицейские так и не смогли, поэтому в конце концов ее освободили.

* * *

Африммские группировки, по понятным причинам, были нам ненавистны. Постоянно ходили слухи о том, как они трусливы в бою и как кичатся каждой, даже самой завалящей победой.

Однажды мы наткнулись на летчика Королевских патриотических ВВС, пережившего плен у африммов. Он рассказал о жестоких пытках и прочих зверствах, которые чинились в их военных допросных центрах. Наши лишения по сравнению с этим казались обыденными, чуть ли не формальными. Летчик лишился одной ноги, а на другой ему перерезали сухожилия. При этом он считал, что еще легко отделался. Он попросил нас о помощи.

Нам не хотелось с ним связываться, и Рафику пришлось устроить голосование. В конце концов было решено донести калеку до ближайшей авиабазы, а дальше пусть добирается сам.

Вскоре после этого нас окружил африммский патруль и отвел в гражданский допросный центр.

Про летчика мы ничего не сказали, да и про поведение африммов тоже. Мы даже не пытались противиться аресту. После того, как похитили наших женщин, я пребывал в каком-то отупении и все не мог выкинуть из головы мысль, что на нас охотятся. От усталости и отчаяния у меня не было сил сопротивляться, даже для виду. Остальные, надо полагать, чувствовали себя так же. Потеряв женщин, все мы превратились в сомнамбул.

Под небольшим конвоем нас отвезли к зданию на окраине захваченного африммами городка. Во дворе стоял большой шатер; нас загнали туда, приказали раздеться и отправили

за перегородку, где густым паром проводилась обработка от вшей. Через несколько минут нам велели выходить и одеваться. Наша одежда лежала нетронутой там же, где мы ее бросили.

Потом нас разделили: кого увели по одному, кого по двое или по трое. Я оказался один. Нас сажали в кабинеты в главном здании и коротко допрашивали. Со мной беседовал высокий выходец из Западной Африки, одетый в бурое пальто несмотря на работающее отопление. В коридоре стояли двое охранников в форме, в руках у них я заметил русские автоматы.

Сам допрос вышел поверхностным. Африканец просто взял у меня удостоверение личности, свидетельство о статусе, фотографию с африммским штампом и просмотрел их.

– Куда направляетесь, Уитмен?

– В Дорчестер, – сказал я: так мы все договорились отвечать в случае ареста.

– У вас там родственники?

– Да. – Я сообщил ему имена и адрес якобы своих родителей.

– Семья есть?

– Есть.

– Где она?

– Не знаю.

– Кто у вас главный?

– У нас нет главного.

Больше он ничего не спрашивал, только молча изучал мои документы. Наконец, меня вернули в шатер, где мы все ждали, пока закончатся допросы. Затем двое африммов в гражданском обыскали наши вещи. Особо не копались, поэтому нашли только вилку, которую один из наших зачем-то положил в самом верху рюкзака. Пару ножей, спрятанных у меня в сумке под подкладкой, никто не заметил.

После обыска нам снова пришлось ждать, пока к шатру не подъехал фургон с большим красным крестом на белом фоне. Какое-то время назад удалось договориться о гуманитарной помощи беженцам: полтора килограмма еды с повышенным содержанием белков на человека в неделю. Однако, поскольку правила на своей территории устанавливали африммы, это количество неуклонно снижалось. Мне досталась лишь пара баночек тушенки да две пачки сигарет.

Наконец, в трех фургонах нас вывезли за пределы города и оставили на дороге, очень далеко от того места, где произошел арест. Больше суток мы добирались до схрона с припасами, который устроили в спешке, когда стало ясно, что нас вот-вот накроют.

За все время вынужденного пребывания на африммской территории про похищенных женщин мы так ничего и не узнали. Ночь я провел без сна, отчаянно желая хотя бы еще раз увидеть Салли и Изобель.

* * *

В утренних новостях сообщили, что неопознанное судно, которое уже два дня плыло по Ла-Маншу, вошло в устье Темзы.

Я не пропускал ни одной сводки по радио. С тех пор как его заметили, судно не реагировало на требования остановиться и не отвечало на попытки связаться. Флагов на нем не было. Королевский ВМФ приставил к судну тральщик, но недавняя резолюция ООН запрещала прибегать к силовым мерам. Название судна было замалевано краской, однако прочитать его все же удалось. Это оказался грузовой трамп водоизмещением 10 000 тонн; зарегистрирован в Либерии и, по данным «Регистра Ллойда», недавно зафрахтован транспортной компанией в Лагосе. Впрочем, учитывая тот хаос, который сейчас царит в Западной Африке, «недавно» могло означать что угодно: от года до десяти лет назад.

В этот день занятия в колледже закончились у меня в половине первого. Ни лекций, ни семинаров в расписании больше не стояло, поэтому я решил съездить к реке. На автобусе я

добрался до Кеннон-стрит, а оттуда пешком до Лондонского моста. Кроме меня, там собралось еще несколько сотен человек – скорее всего, сотрудники близлежащих учреждений. На восточной стороне моста, смотрящей по течению, было не протолкнуться.

Через некоторое время народа стало меньше – видимо, закончился обеденный перерыв, – и я смог протиснуться к парапету.

Судно показалось в половине третьего: оно шло вверх по реке, к Тауэр-бриджу. Его сопровождало множество мелких суденышек, в том числе и катера речной полиции. В толпе зашептались.

Судно приближалось к мосту, а его все не разводили. Рядом со мной стоял мужчина с небольшим биноклем; он сообщил нам, что пешеходов разгоняют, а дорогу перекрывают. Через несколько секунд половинки моста поползли вверх, прямо перед самым судном.

Совсем неподалеку завывли сирены. Я обернулся. На Лондонский мост въехало несколько полицейских автомобилей. Никто оттуда не выходил. Судно неуклонно двигалось на нас.

На катерах сопровождения включили мегафоны, пытаясь докричаться до людей на борту. Что именно кричали, мы не поняли, так как слова тонули в металлическом дребезжании. К этому моменту полицейские оцепили Лондонский мост с обеих сторон, и стало непривычно тихо. Начали разгонять толпу, но народ не слушался и снова смыкался у парапета смотреть, что будет дальше. Мимо нас проехал конный полицейский на крупной рыжей кобыле. Он приказал нам освободить мост; практически никто не подчинился.

Судно подошло уже так близко, что, казалось, можно дотянуться до надстройки. Теперь мы увидели, что на палубах полным-полно народа: кто стоит, кто лежит. Два патрульных катера доплыли до моста и развернулись навстречу приближающемуся судну. Полицейский с громкоговорителем кричал капитану, чтобы тот заглушил двигатели и приготовился принять на борт официальную делегацию.

Судно не останавливалось, продолжая медленно надвигаться на мост. Многие из пассажиров что-то орали полицейским в ответ, только нельзя было ничего разобрать.

Нос судна прошел под пролетом моста, чуть сбоку от того места, где стоял я. Я посмотрел вниз. Палуба была набита людьми до самых бортов. Многие глядели на нас, кто-то махал, остальные орали. А потом самая высокая часть надстройки посередине судна врезалась в парапет моста. Столкновение сопровождалось протяжным, жутким скрежетом металла о камень. Теперь было видно, что краска на судне грязная и отслаивается, а в иллюминаторах не хватает стекол.

Я перевел взгляд на реку. Патрульные катера и пара речных буксиров совместными усилиями стали разворачивать корму в сторону бетонной пристани Нью-Фреш-Уорф. Из трубы судна валил густой черный дым, а сзади шлейфом растекалась белая пена – значит, двигатели еще работали. Пока буксиры толкали судно в сторону пристани, металлическая надстройка с треском и скрежетом продолжала царапать мост.

На судне, снаружи и внутри, началось движение. Пассажиры хлынули к корме, многие спотыкались и падали. Когда корма врезалась в пирс, самые проворные начали прыгивать на пристань.

Судно зажалось между пристанью и мостом: нос под пролетом, надстройка у парапета, корма над пирсом. Один буксир подплыл под мост, чтобы до остановки двигателей судно вдруг не развернулось и не продолжило плыть по реке. Четыре патрульных катера подошли с левого борта, оттуда на палубу полетели крюки с канатами и веревочными лестницами. Бегущие пассажиры даже не думали скидывать их обратно. Зацепив первую лестницу, полицейские и таможенники начали подниматься на борт.

Все, кто стоял на Лондонском мосту, не сводили глаз с людей, покидавших судно. Африканские беженцы ступили на английскую землю.

Мы смотрели на них с ужасом и любопытством одновременно: мужчины, женщины, дети... Все или почти все – тощие, больные, голодные. Костлявые руки и ноги, распухшие животы, обтянутые кожей черепа с непропорционально большими глазами, груди у женщин – обвисшие и пустые, как будто из бумаги, взгляды – ожесточенные и обвиняющие. У детей подкашиваются ноги. Тех, кто не может идти сам, попросту бросают.

В бок судна открылась дверь, и оттуда на пирс выкинули трап. Еще одна толпа африканцев повалила с нижних палуб на пристань. Кто-то, не в силах идти дальше, упал на бетон, остальные двинулись к портовым складам, обтекая их или скрываясь внутри. Никто не поднимал глаза на нас, наблюдавших с моста, и не оглядывался на товарищей по несчастью.

Мы стояли и смотрели. Потоку людей, казалось, не будет конца.

Постепенно верхние палубы опустели, но беженцы все выходили и выходили откуда-то снизу. Я попробовал подсчитать, сколько человек осталось лежать – кто мертвый, кто без сознания, – но, дойдя до сотни, бросил эту затею.

Полицейские, наконец, сумели остановить двигатели, и судно пришвартовали к пирсу. На пристани собралось множество карет «Скорой помощи»; тех, кто пострадал сильнее всего, погрузили в машины и увезли. Однако многие сотни беженцев просто ушли – подальше от пристани и от реки, на улицы Сити, жители которого еще ничего не знали о произошедшем.

Позднее сообщили, что полиция и речная инспекция обнаружили на судне семьсот с лишним трупов, большинство из них – дети. Социальные службы насчитали четыре с половиной тысячи выживших, которых доставили в больницы и пункты неотложной помощи. Остальные, те, кто смог самостоятельно покинуть судно и начать выживать поодиночке, учету не поддавались, хотя где-то я слышал, что таких по меньшей мере тысячи три. Кого-то потом задержали, многие сумели скрыться от властей и растворились в каменных джунглях огромного города.

В конце концов полиция все же увела нас с моста под предлогом того, что после столкновения находиться на нем небезопасно. Впрочем, уже на следующий день движение снова открыли.

Так я стал свидетелем первой высадки африммов. Следом произошло еще три; затем устье Темзы перекрыли. Однако беженцы продолжали добираться до берега на лодчонках и шлюпках, которые спускались с крупных судов. Они причаливали по всему побережью – на песчаные и галечные пляжи, в крошечные гавани, на набережные приморских городов. Они выходили из воды и падали на землю, и так продолжалось круглые сутки, неделю за неделей, почти два года. Африка стала непригодной для жизни, и миллионы людей, ранее населявших ее, расплзались по миру.

* * *

На дороге нас остановили полицейские. Их интересовало, куда мы направляемся, а в особенности – почему мы решили бросить дом. Изабель рассказала все: и про захват соседней улицы, и про неминуемую угрозу, нависшую над нашей семьей.

Ожидая, когда нас пропустят, Салли пыталась успокоить мать: после разговора с полицейским ее трясло от рыданий. Мне тоже хотелось плакать, но я крепился. Конечно, тяжело свыкнуться с мыслью, что мы, возможно, в самом деле лишились дома, однако за последние несколько месяцев я порядком натерпелся истерик от Изабель. Хотя с тех пор как я стал работать на текстильной фабрике – единственное место, куда меня взяли, – нам жилось довольно скверно, по сравнению с моими бывшими коллегами по колледжу мы еще неплохо устроились. Как я ни старался проявлять участие и сочувствие, все в итоге сводилось к ссорам и обидам по любому поводу.

Вскоре полицейский вернулся и сообщил, что отпускает нас, но мы должны ехать в лагерь для беженцев, который ООН обустроила в Хорсенден-Хилл, графство Мидлсекс, а не к родителям Изабель в Бристоль, как собирались. Полицейский предупредил, что гражданским не рекомендуется совершать длинные междугородние поездки в темное время суток. Мы как раз потратили весь день, кружа по пригородам Лондона в поисках заправки, где нам дали бы заполнить бензобак и еще три пятигаллонные канистры, которые я припас в багажнике. И вот начало темнеть, а в сторону Бристоля мы почти и не продвинулись. К тому же, все проголодались.

Ехали по Западному шоссе в направлении Алпертона. Пришлось сделать большой крюк через Кенсингтон, Фулем и Хаммерсмит, чтобы не соваться в огороженные африммские анклавы в Ноттинг-Хилле и Северном Кенсингтоне. Сама автомагистраль была свободна, зато чуть ли не на каждом съезде стояли баррикады с вооруженными жителями. На пересечении с Хэнгер-лейн мы, как нам объясняли, свернули с шоссе и проехали через Алпертон. По пути то и дело попадались припаркованные на обочине патрульные автомобили, возле которых дежурили по несколько десятков полицейских и миротворцы ООН в голубых касках.

У въезда в лагерь нас вновь остановили и допросили. В частности, спрашивали о причинах, побудивших нас бросить дом, и мерах предосторожности, предпринятых на время нашего отсутствия.

Я рассказал, что въезд на улицу забаррикадирован, в районе много военных и полиции, все двери в доме мы заперли, а ключи взяли с собой. Один из допрашивающих в это время делал пометки в записной книжке. Затем у меня спросили точный адрес и имена мужчин на баррикаде. Пока эти сведения передавали кому-то по телефону, мы ждали в машине. Наконец нас выпустили, велев припарковаться за воротами и с вещами идти в центр приема беженцев.

Сам комплекс оказался дальше, чем мы думали, и, к нашему удивлению, состоял в основном из готовых домиков. Перед одним из них был стенд с надписями на нескольких языках, подсвеченный прожектором. Здесь вновь прибывшим предстояло разделиться: мужчин отправляли в так называемый «Распределитель D», а женщин и детей – в домик за стендом.

– Ну что, увидимся позже? – сказал я Изабель.

Она, наклонившись, коснулась губами моей щеки. Я поцеловал Салли. Затем они вошли в домик, а я остался один на один с чемоданом.

Указатели привели меня к «Распределителю D». Там мне велели сдать чемодан на досмотр и раздеться. Я нехотя подчинился, и вещи унесли. Потом меня отправили под горячий душ и заставили начисто вымыться. Выйдя из душа, я получил полотенце и какую-то грубую одежду. На вопрос, нельзя ли переодеться в свое, мне ответили отказом; тем не менее, на ночь разрешили взять пижаму.

Когда я оделся, меня проводили в скромно обставленный зал, в котором было полно мужчин самых разных рас примерно в равных пропорциях. Они сидели на скамейках, ели, курили и разговаривали.

Мне показали окошко, где выдают еду. Я взял миску, перекусил, но не наелся. Впрочем, оказалось, что, если хочется, можно попросить добавки. Еще в том же окошке выдавали сигареты. Я взял одну пачку.

Интересно, как там Изабель и Салли, какой прием их ждал. Наверное, примерно такой же. Оставалось надеяться, что мы сможем повидаться перед сном.

Через пару часов нам велели расходиться. Всех развели по домикам, где стояли жесткие узкие койки с одним одеялом и без подушек. Изабель и Салли я так и не увидел.

Утром я разыскал домик, где они ночевали, и нам удалось провести вместе целый час. Они поведали, как плохо с ними обращались в женском общежитии, как не давали спать.

По радио в это время сообщили, что правительство пришло к соглашению с предводителями африммских боевиков, а значит, буквально на днях ситуация в стране нормализуется.

Услышав это, мы твердо решили возвращаться домой. Мы ведь только и желали, чтобы жизнь вернулась в прежнее русло, и Салли, поняв, что все взаправду, расплакалась от радости. Само сообщение, конечно, немного настораживало: дела наверняка обстоят не так радужно, как рассказывают. Впрочем, главное было попасть домой. Мы договорились: приедем, посмотрим что да как, и, в случае чего, отправимся в Бристоль или даже вернемся сюда, в лагерь.

После множества препон и проволочек нам все-таки удалось встретиться с главным представителем ООН в лагере и потребовать у него разрешения уехать. Он не хотел нас отпускать: по его словам, слишком многие сейчас пытались вернуться домой. Не стоит верить всему, что говорит правительство, сказал он, и текущая обстановка куда запутаннее, чем кажется на первый взгляд. В общем, он советовал нам остаться, мы же убеждали его, что считаем свой дом безопасным местом. Наконец, чиновник предупредил нас: лагерь почти переполнен, и если мы сейчас уедем, то, вернувшись, уже не получим места.

Мы забрали машину, вещи и покинули лагерь. В наших чемоданах явно порылись, но все было на месте.

* * *

Во время второй высадки африммов я был на научной конференции в Харрогейте. Доклады в памяти практически не отложились, так как тема меня интересовала мало. Представлять наш факультет я вызвался для того, чтобы отвлечься от домашних неурядиц. В моих отношениях с Изобель наступила очередная черная полоса. В общем, помню только, что организована конференция была хорошо, и все шло точно по программе.

Дважды за обедом мне случалось сидеть за одним столиком с молодой преподавательницей гуманитарного факультета Университета Восточной Англии. Завязалось общение. Девушку звали Александра.

На второй день к нам подошел какой-то человек: как выяснилось, мой студенческий знакомец. Поздоровавшись, он подсел за наш столик. Я помнил его смутно, да и не особо-то мы дружили, так что встреча меня не сказать чтобы обрадовала. Впрочем, нашлось о чем поболтать. А вот Александра чуть ли не сразу забрала тарелку, поднос и пересела.

Остаток дня я то и дело думал о ней, гадая, не обиделась ли она на меня за что-то. Или, может, ей не хотелось общаться с тем мужчиной? Я попытался ее разыскать, но безуспешно. На ужине она тоже не появилась – видимо, решила уехать пораньше.

После ужина основная компания пошла в бар, а мне вдруг захотелось побыть одному. Я побродил по центру городка, а затем вернулся в гостиницу.

Позднее, когда я уже сидел на кровати, бесцельно глядя на экран телевизора, ко мне в номер постучали. Я открыл и увидел Александру. В руке она держала початую бутылку скотча. Мы выпили, и она рассказала мне кое-что об отношениях, связывавших ее с тем парнем, который подсел к нам за обедом. Общаться с ней было легко и приятно.

А затем мы занялись любовью. Александра провела у меня в номере всю ночь.

На следующий день конференция завершилась. Кроме небольшого пленарного закрытия, никаких официальных мероприятий не планировалось. Мы с Александрой завтракали вместе. Я понимал, что, скорее всего, больше ее не увижу, поскольку никаких планов на будущее никто из нас не предлагал. На среднем пальце левой руки у нее было золотое кольцо. Я уже стыдился всей этой истории, но ничего не мог с собой поделать: Александра мне правда очень понравилась. Именно тогда, за завтраком, по радио рассказали про вторую высадку африммов в устье Темзы, у Грейвзенда. Несколько минут мы обсуждали, какие неизбежные потрясения нас всех ждут.

Мы провели наедине еще полчаса, гуляя по скверу вокруг гостиницы. Это было чем-то вроде антракта, после которого мы попрощались, и каждый вернулся к своей жизни.

* * *

Совещание с Рафиком вышло сумбурным, и в итоге за припасами я отправился в одиночку. Решение послать нас на поиски чего-нибудь полезного для группы было импульсивным, нелогичным и еще раз подтверждало, что никакого четкого плана у Рафика нет. Моя задача звучала столь же абстрактно, как и его указания. Когда Рафик выходил из себя, речь у него становилась путаной и непоследовательной. Насколько я понял, он считал, что нам следует обзавестись каким-нибудь оружием для самообороны, но у меня не было ни малейшего представления, с чего начать поиски. Кроме того, брошенный городок, в который он меня направил, находился на оккупированной африканцами части побережья, и от этого я чувствовал себя тревожно. Партизанская армия быстро разрасталась, и хотя в дневное время бойцы почти не высывались, меня все равно преследовало ощущение, будто за мной кто-то незримо следит.

Я вышел к магазинчикам, выстроившимся в ряд вдоль дороги, примыкающей к галечному пляжу. Все они были неоднократно разграблены и представляли собой жалкие развалины с пустыми стеллажами. Только в одном я обнаружил бытовой стеклорез, по какой-то случайности не доставшийся мародерам. В отсутствие чего-то еще сколько-нибудь ценного пришлось взять его.

Потом я спустился к воде.

На берегу, обустроив лагерь из ветхих домиков и палаток, обитала группа белых беженцев. Я попытался подойти ближе и даже приветливо помахал им, но они закричали, чтобы я убирался. Пришлось уходить на запад по заброшенной набережной, пока лагерь не скрылся из виду.

Я вышел к длинной веренице бунгало, которые, судя по роскошному внешнему убранству, раньше снимали зажиточные пенсионеры. Интересно, почему беженцы не поселились здесь? Может, эти дома зачем-то нужны африканцам? Почти все бунгало стояли открытыми – заходи кто хочет. Я шел мимо и заглядывал внутрь. Еды там не было, мебель по большей части стояла на месте, хотя прочие предметы обстановки, вроде простыней и одеял, давно растащили.

Обойдя больше половины домов, я наткнулся на пустое, наглухо запертое бунгало. Любопытство толкнуло меня разбить окно и влезть в дом. В дальней комнате я заметил, что одна половица отличается от остальных. Я поддел ее ножом.

Под полом стоял ящик, доверху набитый пустыми бутылками. Каждая была подточена напильником, что делало их более хрупкими. Там же лежала стопка белья, аккуратно разрезанного на квадратные куски. В соседней комнате, тоже под полом, обнаружили десять пятигаллонных металлических канистр с бензином.

Я подумал, нужны ли нам коктейли Молотова и стоит ли рассказывать про них Рафику. В одиночку мне все это не перетащить, нужно собирать бригаду.

За то время, что я провел в группе Рафика, мы бесчисленное число раз спорили о том, какое оружие нам бы больше пригодилось. Винтовки и ружья, безусловно, были идеальным вариантом, но раздобыть их невозможно – только если случайно найти или забрать у убитого военного. К тому же неясно, откуда брать патроны. У каждого из нас имелись ножи, правда, очень разного качества. Свой, например, я выточил из обычного кухонного.

Коктейли Молотова лучше всего подходят в ситуациях, когда противник находится в замкнутом помещении или на тесной улочке. Мы же постоянно перемещаемся по открытой местности: по полям, лесам и дорогам. Какой нам толк от зажигательной смеси?

С другой стороны, я искал оружие – и вот, пожалуйста. Нельзя допустить, чтобы оно попало в чужие руки. Еще хуже было бы не сказать Рафику. Если он потом найдет этот тайник, то поймет, что я либо невнимательно искал, либо решил скрыть находку. В конце концов я

вернул бутылки, белье и бензин на место. Если Рафик решит, что зажигательная смесь нам пригодится, мы сюда придем и все заберем.

Туалет работал, и я им воспользовался. Краем глаза я заметил, что на стене висит шкафчик с нетронутой зеркальной дверцей, и мне в голову пришла идея. Я снял зеркало и с помощью стеклореза наделал семь толстых треугольных лезвий, концы которых потом заточил до остроты, дважды при этом порезавшись. Наконец, обернул широкую часть зеркальных ножей полосками замши, завалившимися в сумке – получились рукоятки.

Я взял один нож и несколько раз на пробу рассек им воздух. Оружие вышло опасное, однако сложное в обращении. Таким можно не только ранить противника, но и пораниться самому, если неудачно упадешь, или стекло разобьется в драке. Нужно сообразить какие-нибудь ножны.

Я сложил самодельные ножи в стопку, чтобы завернуть их в мешковину и отнести к своим. И тут заметил, что у одного из осколков прямо возле рукоятки небольшая трещина. Такой нож быстро сломается и рассечет кому-нибудь руку, решил я и выбросил его.

Пора было возвращаться к Рафику и остальным. Вечерело, из-за низкой облачности и дымки сумерки были короче обычного. Убедившись, что вокруг тихо, я собрал добычу и направился к нашему лагерю.

Прогулка по пляжу подействовала на меня неожиданно умиротворяюще. Хотелось вернуться туда еще раз. Надо будет обязательно подать идею Рафику. Может, займем пустующие бунгало или даже объединимся с той другой группой беженцев.

По дороге назад я придумывал, как все это преподнести.

* * *

Я прятался под крышей амбара, потому что мой брат Клайв сказал, что за мной охотится чудище. Мне не было еще семи. Будь я немного постарше, я бы, конечно, сумел перебороть безотчетный страх. Тогда же мне всюду мерещилось нечто жуткое, бесформенное и непременно с черной шкурой.

В общем, я затаился в укрытии, о котором никто не знал: в небольшом просвете между стопками соломенных тюков и крышей амбара. Лежа на теплой соломе, уверенный в своей недостижимости, я успокоился и вскоре забыл про чудище, а вместо этого думал о чем-то другом, может, представлял себя летчиком или солдатом. Однако когда внизу зашуршало, я в панике решил, что это чудище, и что оно нашло меня. Шуршание продолжалось, а я лежал, застыв от ужаса. Наконец, я набрался смелости и тихонько выглянул из укрытия.

За тюками солома валялась россыпью, и на ней, обнявшись, лежали парень с девушкой. Парень был сверху, а девушка – под ним, с закрытыми глазами. Я не понимал, чем они занимаются.

Прошло несколько минут. Парень подвинулся и стал раздевать девушку. Мне показалось, что ей не очень этого хочется, но она почти не сопротивлялась. Когда они снова легли, она быстро помогла раздеться ему. Я замер и затаил дыхание. Парень опять забрался сверху, и они оба стали издавать какие-то хриплые вздохи. Девушка так и не открывала глаз, хотя ее веки время от времени подрагивали. Не помню уже, о чем я тогда думал, – помню лишь, как удивился, что девушки умеют так широко раздвигать ноги. Все женщины, которых я до этого видел – мама, тетки, соседки, – казалось, не могли развести колени больше, чем на пару миллиметров. Я по-прежнему не понимал, что происходит, но наблюдал за ними с восторгом и любопытством. Прошло еще несколько минут; они сипло застонали, тяжело задышали, потом замерли и просто лежали молча. Только тогда девушка открыла глаза и посмотрела прямо на меня.

Пройдет много лет, и мой брат Клайв будет в числе первых, кто погибнет в столкновении между британской армией и африммами.

* * *

Слова ооновского чиновника снова вспомнились мне, когда мы ехали по Северной кольцевой автодороге. По радио подтвердили, что чрезвычайное правительство Трегарта действительно пообещало предводителям африммских боевиков амнистию; впрочем, соглашаться те не торопятся. Далее, в Ирландском море задержано судно с грузом оружия, однако в итоге ВМФ пришлось его пропустить, поскольку, согласно документам, оно направлялось в Ирландию, порт Дун-Лэаре. Позднее это же судно было замечено у побережья Пембрукшира, где от него отшвартовалось несколько шлюпок с ящиками.

Африммы, ясное дело, не доверяли обещаниям правительства – с чего вдруг? Трегарт и члены его кабинета неоднократно вводили меры, притесняющие нелегальных иммигрантов. К тому же, учитывая нынешний перевес сил в пользу африммов, едва ли правительство пойдет на уступки. В вооруженных силах и без того наблюдался раскол, еще немного – и то же самое случится в рядах полиции, так что любые попытки умиротворения только бы усугубили ситуацию.

По некоторым оценкам, в распоряжение предводителей африммов, базирующихся в Йоркшире, переметнулось более четверти армейского личного состава, в том числе три бомбардировочные эскадрильи Королевских ВВС.

В следующем выпуске новостей приглашенные эксперты-политологи рассуждали о падении сочувствия к африммам среди народа и намерениях правительства перейти к более серьезным силовым действиям.

Догадаться, что что-то происходит, можно было лишь по тому, как непривычно мало машин на дорогах. Несколько раз нас останавливали полицейские патрули, но за последние месяцы мы настолько к этому привыкли, что больше не переживали. Мы заранее знали, какие будут вопросы, и научились отвечать на них четко и без запинки.

Меня, правда, тревожило, что в составе патрульных подразделений много гражданских из запаса. Ходили слухи о разного рода злоупотреблениях, например, будто бы чернокожих просто так задерживали, сажали в «обезьянник» и выпускали только через несколько суток. То и дело поступали жалобы на побои и бесчеловечное обращение. С другой стороны, преследованию также подвергались и белые, которых подозревали или уличали в антиафриммской деятельности. Вообще, поведение полицейских было настолько непредсказуемым и непоследовательным, что мне порой казалось: пускай бы их официально разделили на тех, кто за и кто против иммигрантов. Не самый хороший выход, зато всем все сразу станет понятно.

К западу от Финчли мы сделали остановку: надо было пополнить бак. Я рассчитывал, что моего запаса бензина хватит надолго, но за ночь в ооновском лагере две канистры, как выяснилось, слили. Пришлось опорожнить последнюю. Изобель и Салли я ничего про это не сказал, поскольку надеялся приобрести еще бензина по дороге, вот только в тот день ни одной работающей заправки мы так и не встретили.

Пока я переливал топливо в бак, из здания неподалеку вышел мужчина и, размахивая пистолетом, обвинил меня в сочувствии африммам. Я спросил, чем вызваны подобные подозрения, а он ответил, что в сложившейся обстановке так спокойно разъезжать на автомобиле могут лишь те, кто заручился поддержкой той или иной политической группировки.

Я сообщил об этом происшествии на ближайшем полицейском блокпосту, но мне посоветовали не обращать внимания.

По мере приближения к дому на всех нас начала сказываться тревога. Салли ерзала на сиденье и просилась в туалет. Изобель курила сигарету за сигаретой и раздраженно огрызалась. Я же то и дело замечал, что почему-то гоню быстрее положенного.

Чтобы разрядить напряжение, я завернул к торговому центру недалеко от дома, где можно было воспользоваться общественным туалетом. Пока Изобель водила Салли, я включил приемник и прослушал очередной выпуск новостей.

– А если мы не сможем заехать на улицу, что тогда? – спросила Изобель, вернувшись в машину.

До сих пор мы предпочитали это опасение не озвучивать.

– Николсон нас послушает, я уверен.

– А если нет?

– По радио только что сказали, что африммы согласны на условия амнистии, но освобождать брошенные дома отказываются.

– Что значит «брошенные»?

– Боюсь, ничего хорошего.

– Папа, мы уже приехали? – спросила Салли с заднего сиденья.

– Почти, доченька, – ответила Изобель.

Я завел двигатель, и мы тронулись. Через несколько минут доехали до своей улицы. Полицейских фургонов и армейских грузовиков не было, но обвитая колючей проволокой баррикада осталась. Напротив нее на обочине стоял темно-синий фургон с телевизионной камерой на крыше. Рядом сидели двое: один смотрел в камеру, другой держал длинную штангу с микрофоном, – оба в бронежилетах. Перед камерой и по бокам стояли толстые плексигласовые щиты.

Не глуша двигатель, я остановился неподалеку от баррикады, нажал на клаксон – и в следующее же мгновение пожалел об этом. Из ближайшего дома вышли пятеро чернокожих мужчин с винтовками и направились к нам. Африммы.

– Дьявол... – прошептал я.

– Алан, иди, поговори с ними. Может, наш дом они не занимали?

Изобель была на грани истерики, ее голос дрожал. Я продолжал сидеть, не сводя глаз с африммов. Они выстроились за баррикадой и равнодушно смотрели на нас.

Изобель снова меня подтолкнула. Я вышел из машины.

– Мы живем в доме номер сорок семь. Пропустите нас, пожалуйста, – сказал я. Они молчали. – Моя дочь больна, ей нужно в постель.

И снова тишина.

Повернувшись к съемочной группе, я крикнул:

– Скажите, сегодня кто-нибудь здесь проезжал?

Никто не ответил. Звукооператор направил микрофон в нашу сторону и, взглянув на записывающую аппаратуру, слегка покрутил ручку.

Я снова обратился к африканцам.

– Вы меня понимаете? Мы хотим попасть домой.

После долгой паузы один из мужчин сказал с сильным акцентом:

– Уходите!

Он вскинул винтовку.

Я побежал к машине, почти прыгнул в нее и тут же дал газу, делая широкий разворот на пустынном шоссе. Когда мы проезжали мимо кинокамеры, афримм выстрелил. Лобовое стекло пошло мелкими трещинами, из-за которых ничего не было видно. Я с размаху ударил по стеклу рукой, и нас с Изобель осыпало осколками. Она закричала и, закрывая голову руками, сжалась в комок. Салли сзади обхватила меня за шею и стала что-то вопить прямо мне в ухо.

На углу я немного притормозил и, наклонившись вперед, оторвал от себя дочку. Посмотрев в зеркало, я увидел, что репортеры повернули камеру нам вслед и продолжают снимать.

* * *

На пляже в Брайтоне собралось много народа. Мы наблюдали за старым судном, которое дрейфовало по Ла-Маншу, накренившись на один борт. В газетах сообщалось, что крен составляет двадцать градусов. Судно стояло далеко от берега, опасно покачиваясь на волнах. Неподалеку дежурили спасательные катера из Хоува, Брайтона и Шорема, ожидая разрешения взять его на буксир. Мы же на берегу ждали, когда оно начнет тонуть. Многие приехали издалека специально ради этого зрелища.

* * *

Я добрался до лагеря, не попавшись по дороге ни одному патрулю. Выгадав момент, подошел к Рафику и отдал ему стеклянные ножи.

Критически осмотрев результат моих трудов, он с неохотой похвалил меня за изобретательность. Затем взял нож в правую руку, взвесил, взмахнул, проверил, как тот заходит за пояс. Лицо Рафика стало еще более хмурым, чем обычно. Я хотел было извиниться за грубость выделки, мол, не нашлось подходящих материалов и инструментов, но поскольку он и так все это понимал, я промолчал.

Его критика носила скорее политический, нежели практический характер.

Чуть позже я увидел, как Рафик выбрасывает ножи, поэтому про тайник с коктейлями Молотова решил не рассказывать.

* * *

Подростком я, как и многие мои сверстники, прошел через немало загадочных стадий, из которых состоял процесс полового созревания.

Рядом с домом, где я жил тогда с родителями и братьями, был большой пустырь, заваленный стройматериалами и разрытый бульдозерами. Местные говорили, что там собирались построить новый жилой квартал, однако по какой-то причине работа застопорилась, и мы с друзьями облюбовали это место для своих игр. Официально, конечно, детям лазить туда запрещалось, но с таким количеством укромных уголков нам без труда удавалось скрываться от взрослых, будь то родители, соседи или участковый.

Меня неоднократно посещали мысли, а не бросить ли это ребячество и взяться за ум. Клайв, мой старший брат, поступил в хороший университет и уже семестр там отучился. Эдвард, мой младший брат, ходил в одну школу со мной, был отличником и вообще умным пареньком. Я понимал, что если хочу пойти по стопам Клайва, то должен посвящать больше времени учебе, вот только душа и тело не желали сидеть на месте. Ноги то и дело несли меня на стройку, где я и пропадал с мальчишками на год-два младше, но из другой школы.

При этом всегда оказывалось, что во многих вопросах те ребята куда продвинутее меня. Почему-то именно они предлагали, чем заняться, а я лишь соглашался. Новые игры и увлечения постоянно придумывал кто-то другой, а я если и вливался, то самым последним. Неудивительно, что все тут же становилось для меня скучным и неинтересным.

Разрываясь между тем, кем я был и кем хотел стать, я не преуспевал ни в том, ни в другом.

И точно так же, когда по вечерам с нами стали гулять соседские девчонки, я очень поздно заметил, как их присутствие изменило компанию вообще и каждого из нас в отдельности.

Так случилось, что одну из девчонок я уже знал. Ее звали Тамсин. Наши родители общались, и мы иногда ходили друг к другу в гости. Впрочем, даже если между нами и были какие-то отношения, то лишь платонические, не всерьез. Знакомиться с девушкой через родителей – так себе вариант, и я не испытывал к Тамсин никакого влечения. Когда она с подругами в первый раз появилась на стройке, я даже не подумал воспользоваться своим преимуществом перед другими ребятами. Напротив, при виде ее мне стало стыдно, будто она каким-то таинственным образом разболтает моим родителям, чем мы здесь занимаемся. Я даже притворился, что не узнал ее.

Первый вечер прошел как-то неуклюже и по-дурацки, за бессмысленной и глупой болтовней. Девчонки делали скучающие лица, а мы с ребятами как будто бы не замечали их. Такое повторилось еще несколько раз.

Потом родители забрали меня куда-то на выходные, а по возвращении я заметил, что общение с девчонками перешло в более физическую стадию. Ребята стали приносить из дома пневматические винтовки, чтобы впечатлить девчонок меткостью. То и дело вспыхивали шуточные ссоры, которые порой заканчивались борьбой или дракой.

И даже тогда до меня не дошло, что все это – часть первого сексуального опыта.

Однажды кто-то из мальчишек принес колоду карт. Мы немного поиграли в разные детские игры, но вскоре нам наскучило. Тогда одна из девчонок сказала, что знает вариант фантов с картами. Она забрала колоду и стала раздавать всем по карте, на ходу объясняя правила. Принцип очень простой: первые мальчик и девочка, которым достанутся одинаковые карты – допустим, дама и дама или семерка и семерка – должны выполнить совместное задание.

Я не очень понял, но карту взял. Тройка. После первого круга пары не получилось, поскольку вторую тройку вытянул другой мальчик. Остальные начали отпускать по этому поводу скабрзные шуточки. Я смеялся вместе со всеми, хотя юмора не оценил. На следующем круге еще одна тройка досталась Тамсин.

После небольшого спора все сошлись на том, что победил я, раз первым вытянул тройку. Я был горд, но вместе с тем почему-то напуган. Не понимая, что именно от меня требуется, я попытался отправить вместо себя второго мальчика. Однако девочка, которая предложила эту игру, сказала, что правила есть правила: мы с Тамсин должны пойти за какой-нибудь соседний отвал и провести там десять минут наедине.

Под общее улюлюканье мы поднялись и пошли. Оказавшись за отвалом, я по-прежнему не знал, что мне делать. И вот стою я в первый раз в жизни наедине с девушкой и молчу, как истукан.

– Ну, чем займемся? – спросила Тамсин.

– Не знаю, – ответил я.

Она села на землю, а я так и остался стоять, то и дело поглядывая на часы.

Я задал Тамсин несколько вопросов, совершенно банальных. Я бы все это знал, если бы не избегал общения с ней: например, сколько ей лет и какое у нее второе имя. Мы поговорили про школу, в которой она учится, и что она собирается делать после выпуска. На мой вопрос, сколько у нее было парней, Тамсин ответила: много. Потом она спросила, сколько у меня было подруг; я сказал: несколько.

Наконец, десять минут истекли, и мы вернулись к остальным.

Была моя очередь сдавать. Я перетасовал колоду и раздал всем по карте. На этот раз победители определились без споров: две десятки вышли в первом же круге. Мальчик с девочкой поднялись и ушли за отвал. В ожидании их возвращения мы стали рассказывать похабные анекдоты. Хотя я и смеялся вместе с остальными, чувствовалось в компании какое-то напряжение. Я не переставая гадал, что же происходит сейчас там, за холмом земли.

Десять минут прошли, а те двое так и не возвращались. Ушла, кстати, девчонка, которая и затеяла эту игру. Мы думали, уж она-то будет играть по правилам. Кто-то из ребят предложил

пойти за ними, и все с криками и свистом побежали к отвалу. Тут, однако, парочка объявилась, и мы снова сели тасовать колоду. Я заметил, что ни на нас, ни на друг друга те двое стараются не смотреть.

На третьей раздаче одинаковые карты достались Тамсин и еще какому-то парню. Они встали и пошли за отвал. Так меня вдруг взбесила эта игра!.. Сказав остальным, что мне надоело, я пошел в сторону дома.

Отойдя на достаточное расстояние, я сделал круг по пустырю и подобрался к отвалу с другой стороны. Оттуда, из-за груды некрашенных оконных рам, я мог незаметно наблюдать за парочкой.

Они стояли друг напротив друга. Поверх платья на Тамсин, как и до этого, был надет школьный пиджак. Парень спиной перекрывал мне обзор. О чем они разговаривали, я не слышал.

Вдруг парень обхватил Тамсин руками и повалил на землю. Какое-то время они поборолись, как у нас частенько бывало. Поначалу Тамсин отбивалась, но через минуту откатилась на спину и замерла. Парень лег рядом и осторожно положил руку ей на живот. Тамсин отвернула голову в мою сторону; глаза у нее были зажмурены. Парень распахнул ее пиджак и провел рукой по мягкому изгибу груди. Поскольку Тамсин лежала на спине, они выглядели не такими объемными, как обычно. Парень застыл, не сводя с них глаз, и я почувствовал, как у меня твердеет в штанах. Я сунул руку в карман и поправил пенис, чтобы не так жало, а парень в это время схватил Тамсин за сиську и принялся жать ее, все сильнее и быстрее. Наконец, девушка вскрикнула, как будто от боли, и повернулась к нему. Теперь она лежала спиной ко мне, но я видел, как она положила ладонь парню между бедер и стала наглаживать.

Я чувствовал нарастающее возбуждение и хотел досмотреть, что будет дальше, но все-таки происходящее мне не нравилось. Осторожно покинув укрытие, я пошел в обратном направлении. Пенис я по-прежнему сжимал в руке, и вдруг из него брызнуло. Я вытерся платком, а потом вернулся к остальным. На расспросы я ответил, что дошел до дома, но родителей не было.

Через несколько минут вернулись Тамсин с тем парнем. Как и парочка до них, они старательно отводили глаза.

Ребята настроились на очередную раздачу, однако девчонки сказали, что им наскучило, и засобирались домой. Мы уговаривали их остаться, но они все-таки ушли. До нас доносилось хихиканье. Убедившись, что они точно ушли, парень, который был с Тамсин, расстегнул ширинку и показал свой пенис – напряженный и густо-красный. Он стал надрачивать его рукой, а мы с завистью смотрели.

На следующий вечер девчонки снова пришли к нам на стройку. К тому времени я уже наловчился тасовать карты так, чтобы постоянно сдавать себе нужные. В итоге я потрогал всех трех девчонок за грудь, а одна даже позволила мне запустить руку ей под лифчик и пощупать соски. А потом карты как-то стали не нужны, и мы просто по очереди уединялись за отвалом. Не прошло и двух недель, как я занялся с Тамсин сексом. Отдельным поводом для гордости было то, что, кроме меня, она больше никому не дала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.